

RU

Шаманские идолы «человеко-бабочки» в проекции советской внешней политики на Дальнем Востоке во второй половине XX в.

Науменко О. Н., Сатимов Б. М., Абдиримов Р.

Аннотация. Цель исследования – проследить трансформацию шаманских идолов народов Амура под влиянием советской внешней политики на Дальнем Востоке во второй половине XX в. Научная новизна статьи заключается в выявлении связи между развитием международных отношений на советском Дальнем Востоке во второй половине XX в. и изменениями во внешнем облике и религиозном предназначении некоторых образцов культовой скульптуры народов Амура. В статье выявлено, что во второй половине XX в., когда активизировались международные контакты с Японией и особенно с Китаем, некоторые шаманские идолы народов Амура приобрели атрибуты, связанные с японским и китайским шаманизмом, в частности крылья из стручков черных соевых бобов, которые в Японии используются для ритуала «изгнания дьявола». Результаты исследования показали, что такие заимствования закономерны в условиях, когда народы разных государств имеют общие культурные корни, а результаты внешней политики могут иметь религиозные «побочные эффекты».

EN

Shamanic idols of the "butterfly man" in the projection of Soviet foreign policy in the Far East in the second half of the 20th century

O. N. Naumenko, B. M. Satimov, R. Abdrimov

Abstract. The purpose of the study is to trace the transformation of shamanic idols of the Amur peoples under the influence of Soviet foreign policy in the Far East in the second half of the 20th century. The scientific novelty of the article is to identify the connection between the development of international relations in the Soviet Far East in the second half of the 20th century and changes in the appearance and religious purpose of some samples of cult sculpture of the Amur peoples. The article reveals that in the second half of the 20th century, when international contacts with Japan and especially with China intensified, some shamanic idols of the Amur peoples acquired attributes associated with Japanese and Chinese shamanism, in particular wings made from black soybeans, which in Japan are used for the ritual of "exorcism". The results of the study showed that such borrowings are natural in conditions when the peoples of different states have common cultural roots, and the results of foreign policy can have religious "side effects".

Введение

Актуальность темы исследования и ее теоретическая база определяются еще не становившейся предметом исторического исследования связью между изменениями во внешней политике СССР, которые наблюдались с периода хрущевской оттепели, и «инновациями» в шаманской культовой скульптуре. Ряд публикаций посвящен советской внешней политике на Дальнем Востоке в целом, не затрагивая тему нашего исследования. Ученые обосновывают историко-культурными факторами стремление Японии объединить под своим влиянием все дальневосточные народы (Журавлев, 2021); анализируют современное отношение к китайско-японскому присутствию в Тихоокеанской России (Ларин, Ларина, 2012); характеризуют общие направления российской внешней политики на Дальнем Востоке в разные исторические периоды (Галлямова, 2018; Черникова, 2021). Часть исследований посвящена процессам трансформации религиозных взглядов под воздействием советской идеологии. Это касается понимания «шаманской болезни» (Фурцев, 2023), борьбы с шаманизмом (Ильин, 2018) и в целом национально-религиозной политики в СССР (Хисматуллин, 2017).

Общепризнанным является понимание, что в 1920-1950-х гг. народы Амура сохраняли традиционные верования (Národnostní politika..., 2010). Учеными опубликованы статистические данные о численности верующих

на советском Дальнем Востоке, в том числе – о возрастании количества язычников после хрущевской оттепели и перестройки (Дударенок, 2005). Эти исследования помогают понять особенности религиозных процессов, которые происходили в рассматриваемом регионе, сопоставить их с этапами внешней политики и возникновением новых образов культовой скульптуры.

Все остальные исследования носят этнографический характер, но и здесь есть пробелы. Анализируемые «человеко-бабочки» – это идолы для инициации шаманов. Данный вид культовой (инициационной) скульптуры не изучен вообще. Каждая из таких фигурок, будучи отражением духов высшего порядка, уникальна по внешнему виду, но совпадает по основной идее, совмещая образы божественного создания и рождения нового. Деревянные идола-сэвены в виде бабочек также не изучены ни как вид обычной ритуальной скульптуры, ни как инициационные шаманские идола. Все научные труды о процессе посвящения шаманов, где могли бы фигурировать «человеко-бабочки», основаны на полевых материалах, собранных от представителей коренных народов Дальнего Востока (Агапитов, Хангалов, 1883; Смоляк, 1991; Косарев, 2003; Новик, 2004). Ни в одном из них нет упоминания культовых фигурок, по описанию хотя бы частично совпадавших с анализируемыми экспонатами; все полученные данные касаются просто антропоморфных идилов. Например, А. В. Смоляк (1991, с. 143), изучая ритуал посвящения шаманов у нанайцев, заметила, что инициационные фигурки имели антропоморфный облик и должны быть «сделаны хорошо»; в противном случае дух будет бояться и не войдет в них. Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов (1883, с. 129-130, 134) также упоминают, что при инициации создавались антропоморфные идола «Аями», чтобы в процессе посвящения заключить в них дух шаманской болезни. М. Ф. Косарев записал представления у якутов, в которых на инициацию шамана являются «духи-покровители в виде быка-пороза, жеребца, лося, черного медведя, собаки, дятла, кукушки и проч.» (2003, с. 229).

В целом тема нашего исследования пока не стала сферой научного интереса других ученых.

Задачи исследования:

- проследить связь между развитием международных отношений на Дальнем Востоке и трансформацией шаманских идилов народов Амура во второй половине XX в.;
- выявить воздействие на идилов «человеко-бабочки» других религиозных культур конца XX вв.

Материалами и методами исследования стали источники, включающие три группы.

Первая группа – это материалы Государственного архива Приморского края (ГАПК), которые характеризуют внешнюю политику на советском Дальнем Востоке во второй половине XX в., а также содержание международных контактов с КНР и КНДР после начала хрущевской оттепели в 1956 г.:

- Ф. П-68. «Приморский краевой комитет КПСС, г. Владивосток» является основным фондом по теме исследования, т. к. этот партийный орган определял механизм реализации государственной политики по расширению контактов с государствами Дальнего Востока и внедрял планы в жизнь;
- Ф. Р-1349. «Управление культуры администрации г. Владивостока», где хранятся документы за 1945-1994 гг., отражающие культурное влияние зарубежных стран;
- Ф. Р-1119. «Исполнительный комитет Приморского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Примгубисполком)»; материалы фонда хранят свидетельства о конфессиональном состоянии региона.

Вторая группа – материальные источники в виде культовой скульптуры из коллекций «Тайные силы» (экспонаты датируются второй половиной XX – началом XXI вв.):

- Каталог этнографической коллекции «Тайные силы – Люди природы» с описанием экспонатов и историей коллекции / авт.-сост. О. Н. Науменко. Изд.-е 2-е. Ханты-Мансийск – Хабаровск: Международный институт, 2024.

Речь идет об исключительно редких музейных экспонатах, которые оказались сосредоточены в одной коллекции и пока не обнаружены в фондах (на сайтах) Российского этнографического музея и Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, а также не отражены в каталогах последнего. Ведущие российские музеи преимущественно ориентируются на этнографические сборы самой высокой исторической ценности – предметы 100 лет и старше, а анализируемая нами культовая скульптура была создана во второй половине XX в., и некоторым экспонатам еще нет 50 лет. Соответственно, для крупных государственных музеев она пока не обладает исключительной этнографической ценностью. Однако во внешнем облике этой скульптуры есть признаки неких «инноваций», появившихся в конце XX – начале XXI в., что совпадает с этапами культурного сближения российского Дальнего Востока с Японией и Китаем. Это позволяет проследить изменения, произошедшие как под воздействием советского и постсоветского периодов, так и в силу объективной эволюции изображений религиозного характера.

Третья группа источников – интернет-материалы о религиозных праздниках в современной Японии, что отражает связь идилов «человеко-бабочки», созданных в России, с магическими практиками других народов Дальнего Востока.

- Сецубун: 3 февраля. <https://www.calend.ru/holidays/0/0/216/>;
- Сецубун. <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сецубун>.

В качестве методологии исследования использована Теория локальных цивилизаций, которая предполагает, что особенности культур не ограничиваются государственными границами. Более того, они создают основу для формирования однотипных политических режимов и, соответственно, схожих исторических судеб, примером чего является советский Дальний Восток, коммунистический Китай и Северная Корея. Цивилизационные особенности дальневосточного региона в сочетании с этапами истории этих стран позволяют понять, почему к концу XX в. именно в Японии, а не в Китае или Корее сохранился и оказался наиболее развитым ритуал изгнания духов с помощью разбрасывания соевых бобов: Япония избежала борьбы с религиозными

верованиями и исторического этапа воинствующего атеизма. Кроме этого, история «хрущевского», «брежневского» и постсоветского Дальнего Востока объясняет, почему исследуемые ритуальные предметы появились в рассматриваемый период, когда сначала приоткрылся, а затем разрушился «железный занавес». Эти исторические события в сочетании с ориентацией на возрождение традиционных религий вызвали в ритуальной скульптуре народов Амура заимствования и появление оригинальных «инноваций».

В исследовании использован компаративный анализ, который позволил сопоставить источники в двух курсах: хронологическом и этническом. Такой подход дал возможность проследить влияние культурно-исторических связей российского шаманизма с японским и китайским и отражение этого влияния в анализируемых «человеко-бабочках».

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для понимания эволюции предметов религиозного искусства под воздействием комплекса факторов не только культурно-исторического, но социально-политического и международного характера. Кроме этого, полученные результаты могут быть привлечены для разработки курсов по истории Дальнего Востока и истории религий.

Обсуждение и результаты

Религиозно-культурные заимствования, характерные для народов, проживающих на пограничных территориях, особенно – в близкой конфессионально-культурной среде, представляют собой одну из наиболее интересных научных тем, позволяющих понять механизм социокультурных трансформаций под влиянием внешнего фактора, но с сохранением традиционных, веками сложившихся основ. В истории имперской России было несколько регионов, близких по религии и культуре (например, места проживания коренных народов Севера), но самые крупные – Дальний Восток и Туркестан, которые колонизировались примерно в одно и то же время, принадлежали к разным региональным культурам, обусловленным особенностями древней истории (Иванова, Глатоленкова, Базилевич, 2021), и входили в общую с соседними государствами ойкумену. Политико-идеологические изменения в СССР в конце XX в., отказ от «железного занавеса» и свобода визового режима активизировали взаимодействие с соседними странами и высветили хотя и разные пути интеграции, но схожие результаты, связанные с актуализацией традиционных религиозных верований. Интеграция Туркестана и Дальнего Востока в рамках своих ойкумен началась на разных основах, но в итоге именно религиозный фактор стал одним из важнейших условий культурного сближения.

Бывшие советские республики Средней Азии оказались в сфере интересов близлежащих мусульманских стран. Даже в настоящее время интеграция стран Средней Азии продолжается (Калимова, 2017), хотя некоторые из них официально провозглашены светскими государствами. Контакты внутри «мусульманской» ойкумены усиливаются и расширяются: например, идет процесс сближения Узбекистана с Пакистаном (Валиев С. Культурно-духовная и религиозная близость Узбекистана и Пакистана является основой для укрепления дружбы, доверия и взаимовыгодного сотрудничества. <http://old.muslim.uz/index.php/rus/mir/item/31046?ysclid=m3y9h29blr530713208>) и т. д. В основе интеграции Туркестана – ислам, обеспечивающий взаимопонимание на разных уровнях взаимодействия. Это один из вариантов исторического развития близких в культурном отношении стран, и процесс такой итерации представляется объективным.

Второй вариант культурного сближения стран, принадлежащих к одной ойкумене, – это Дальний Восток. В отличие от мусульманских государств Средней Азии, изначально объединенных исламом, на Дальнем Востоке процессы интеграции не имели глубокой религиозной основы. Традиционные представления, схожие с китайскими, корейскими и японскими, были характерны не для большинства, как в Средней Азии, а для меньшинства населения Дальнего Востока, – это восемь коренных народов (нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки и эвены). Более того, далеко не все представители этих культур считали себя шаманистами, однако именно религиозный фактор в итоге стал важнейшим звеном, который сблизил культуры дальневосточных стран, создал стимулы для взаимного пополнения музейных коллекций, а также породил новые образцы настоящего шаманского культа. Анализ не только религиозной скульптуры, но даже орнаментов на одежде и предметах быта, а также материалов изготовления интерпретировался с точки зрения традиционных представлений, связанных с древними божествами и духами.

Такие же процессы шли на Сибирском Севере, когда якуты, ханты, манси и другие коренные народы попали в сферу интереса Финляндии, США и других стран. Начались культурные и научные контакты обских угров и якутов – с одной стороны, и североамериканских индейцев и европейских финно-угров – с другой стороны. Стало очевидно, что шаманизм и традиционные представления в целом – это продуктивная база не только для исследователей, но также для бизнеса: предметы этнического содержания хорошо продаются в туристической сфере.

Дальний Восток стал одним из мест, богатство этнической истории которого было связано с историей внешнеполитической. В эпоху Российской империи связи между народами Дальнего Востока были очень тесными. Уссурийский край, например, был включен в состав России лишь в середине XIX в. (Кадырбаев, 2023), а до этого момента население региона находилось в сфере прямого воздействия китайской культуры. Исследователь Ли Хунцзюань отмечал, что на территории современного Хабаровского края шли процессы ассимиляции коренных народов китайцами: «В хозяйственной сфере нанайцы заимствовали у китайцев способы обработки земли и выращивания сельскохозяйственных культур, приемы животноводства, типы жилых и хозяйственных построек. Кроме того, китайское влияние проявлялось в быту (в деталях костюма, элементах прически), в декоративном искусстве, фольклоре и языке. Тесные контакты между нанайцами и китайцами отразились на семейном составе нанайцев и привели к образованию смешанных китайско-нанайских семей» (2018, с. 188-189).

В Китае глубокие корни имеет шаманизм, и наиболее ярко он представлен именно на севере страны, то есть в пограничных районах с Россией (Ян Хуэй, Борисова, 2023, с. 204). Более того, в эпоху Средневековья на территории современного Хабаровского края, Приморья и равнинах Амурской области проживали племена чжурчжэней с развитыми шаманскими практиками. Золотая империя чжурчжэней «оставила наследие в самобытном укладе жизни малочисленных народов Амура на многие века» (Евменьев, 2014, с. 7). Контакты между дальневосточными народами в той или иной степени сохранялись и в советский период, несмотря на существование порой неблагоприятных внешнеполитических факторов. Это разнонаправленное, во многом древнее влияние отразилось во внешнем облике местных музейных экспонатов, включая культовую скульптуру, однако наибольший интерес представляет последний этап внешнего воздействия, относящийся ко второй половине XX – началу XXI в. Этот период иллюстрирует, как этническая культура народов Амура реагировала на изменение государственной внешней политики.

Результатом описанных процессов стала анализируемая культовая скульптура. Исследуемые экспонаты представляют собой антропоморфные фигурки-идолы народов Амура (Иллюстрация 1), которые хронологически соответствуют этапам развития международных отношений на Дальнем Востоке, а также изменениям, происходившим в конфессиональной среде региона.

Иллюстрация 1. Шаманские идолы «Человеко-бабочки». Народы Амура, район имени Лазо Хабаровского края (Каталог этнографической коллекции..., 2024, с. 128-132)

Примечание: № 1 и 2: высота 41 и 31 см, 1981 г., крылья из стручков крупных соевых, украшенные кианитом, внутри – сохшиеся бобы; № 3: высота 26 см, 1960-е гг., крылья из половинок стручков крупных соевых, бобов нет; № 4: высота 46 см, середина XX в., крылья из бересты, повреждены.

Самый ранний хронологически – это идол № 4 (Иллюстрация 1), который относится к середине XX вв. По визуальному осмотру, степени потемнения дерева, материалу изготовления крыльев (из бересты) и их форме можно утверждать, что идол соответствует традиционным представлениям народов Амура. Предположение, что это «человек-птица», в не «человек-бабочка», на настоящий момент вызывает сомнение из-за формы крыльев: при изображении птиц крылья имеют другой вид: как правило, заостряются на концах. Этот идол соответствует своему историческому времени.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на советском Дальнем Востоке были более важные послевоенные задачи, чем борьба с шаманизмом, хотя случаи репрессии шаманов встречались, что видно на примере соседних регионов (Národnostní politika..., 2010, р. 18). В 1949 г., согласно документам Приморского комитета ВКП(б), антирелигиозная работа среди коренного населения велась недостаточно активно: плохо проводилось «разоблачение религиозных суеверий и предрассудков, а в лекциях на естественно-научные темы недостаточно уделялось внимания материалистическому объяснению явлений природы... Вследствие запущенности политической и культурно-массовой работы среди удэгейского населения за последнее время усилили свою деятельность шаманы, организуя национально-религиозные обряды» (ГАПК, ф. П-68, оп. 6, д. 108, л. 172). Причина этого недостатка была объяснена: все силы краевых партийных органов уходили на борьбу с православной церковью и сектантами (ГАПК, ф. П-68, оп. 6, д. 144, л. 48-50). Таким образом, у шаманов в тот период наблюдалась относительная свобода; исследовательская ценность шаманизма была снижена, внешние контакты российского Дальнего Востока – ограничены, и создавались традиционные варианты шаманских идолов, примером которого является образец № 4 (Иллюстрация 1).

Второй в хронологическом порядке идол – № 3 (Иллюстрация 1), созданный в начале 1960-х гг. В тот период (по данным А. В. Смоляк за 1957 г.) «в нанайских и в ульчских селах мы наблюдали очень много старых религиозных традиций, которые восприняты лицами в возрасте 40 лет и даже моложе, т. е. людьми, которые учились в школе в советское время. Дело в том, что в семьях дети получают соответствующую идеологическую подготовку, воспринимают различные религиозные воззрения от родителей и дедов. Никто не ведет борьбу против этих воззрений, т. к. русские учителя и культработники в селах и районных центрах обычно

об этом ничего не знают; учителя из коренных народностей не получают установок о необходимости проведения антирелигиозной работы со своими учениками. Повсюду в ульчских и нанайских селах работают шаманы, а охотники в возрасте 35-40 лет, отправляясь на охоту (или в других случаях), выполняют различные религиозные обряды» (Цит. по: *Národnostní politika...*, 2010, p. 21).

Хотя в 1960-е гг. советское государство взяло очередной курс на борьбу с религией, этот образец «человеко-бабочки» зафиксирован именно тогда, в разгар антирелигиозной работы (Иллюстрация 1, № 3). Идол считался настолько необычным, что над начинающим шаманом «смеялись всей деревней», называя его «Херувимом» (Каталог этнографической коллекции..., 2024, с. 132). Крылья идола сделаны из половинок стручков соевых бобов. Точно такие же крылья находятся еще на одном экспонате – идоле «Севахи Егда» (антропоморфная сова с ногами лося), которая примерно того же возраста (Иллюстрация 2).

Иллюстрация 2. Инициационный идол «Севахи Егда». Удэгейцы. Высота 44 см, размах крыльев 37 см, д. Гвасюги Хабаровского края (Каталог этнографической коллекции..., 2024, с. 127)

Обратим внимание на материал изготовления крыльев – стручки соевых бобов, которые связаны с древним китайским культом плодородия. Даже в настоящее время соевые бобы – одна из важнейших сельскохозяйственных культур в Китае. Однако до 1960-х гг. у народов Амура (российского Дальнего Востока) это растение при оформлении культовой шаманской скульптуры не встречается, хотя в XIX в. влияние Китая было очень сильным: кроме шаманизма «религиозные традиции нанайцев были заполнены элементами буддизма, причем китайских духов они считали могущественнее, чем своих собственных» (Ли Хунцзюань, 2018, с. 188-189).

В то же время с началом хрущевской оттепели на Дальнем Востоке активизировалась православная церковь и всевозможные секты, что по-прежнему отвлекало силы партийных организаций от борьбы с шаманизмом. Бюро Приморского крайкома КПСС в декабре 1958 г. свидетельствовало, что «за 1955-1958 годы сектанты и церковники почти удвоили свой состав, создали актив, более чем вдвое увеличили свои доходы, укрепили материальную базу. Они вкладывают большие деньги в строительство и ремонт существующих церквей и молельных домов. Они всячески приспособляются к современным условиям и проявляют большую изобретательность в применении мер привлечения населения» (ГАПК, ф. Р-1119, оп. 6, д. 312, л. 175-180). Дальневосточный шаманизм по-прежнему оставался вне поля зрения партийных органов.

Советский Дальний Восток в 1960-1970-е гг. отличался двойственной ситуацией в плане религии. С одной стороны, в документации органов государственной власти представители язычества не значились вообще; в статистических данных, охватывающих Амурскую, Камчатскую, Магаданскую, Сахалинскую области, Приморский и Хабаровский край с 1961 г. по 1980 г., в графе «язычники» стоял прочерк (Дударенок, 2005, с. 126). С другой стороны, шаманизм в этом регионе никогда не исчезал, свидетельством чего является анализируемая ритуальная скульптура и полевые материалы А. В. Смоляк (1991), собранные в 1970-е гг. Однако борьба с религией тоже имела свои плоды. Тот факт, что над крылатым идиолом в деревне смеялись, – это, возможно, и есть результат атеистической работы; в противном случае насмеяться над идиолом и шаманом никто бы не посмел.

Хрущевская оттепель не просто ознаменовала новый этап в истории советско-китайских отношений и научно-познавательной ценности шаманизма, но дала толчок к дальнейшему развитию этих сфер. Договоры между СССР и КНР существовали с 1945 г., но в сфере культурного сотрудничества официальные отношения начались лишь в июле 1956 г., когда был заключен соответствующий договор. Создавались передвижные выставки по Хабаровскому краю, организованные Дальневосточным художественным музеем; эти выставки знакомили население советского Дальнего Востока с традиционной культурой Китая, а непременной частью таких экспозиций являются предметы шаманизма. Пополнение коллекций происходило через Общество дружбы между советским и китайским народами (Фролов, 2007, с. 46).

Работа шла очень успешно. Приморский край был включен в список территорий, где создавались общества дружбы с зарубежными странами, – в данном случае рекомендовалось поддерживать и развивать контакты с Японией и Китаем. Обратим внимание на многочисленные секции Общества советско-китайской дружбы в 1958 г.: «секция лекционной пропаганды», «секция обмена научным опытом», «секция внешних связей и работы с делегациями»; также отдельная структура разрабатывала «План мероприятий Приморского отделения Общества

советско-китайской дружбы по проведению 10-й годовщины со дня подписания договора о дружбе и взаимопомощи между КНР и СССР» (ГАПК, ф. П-68, оп. 1, д. 503, л. 99-117, 131). В результате сотрудничества появились города-побратимы: в июне 1961 г. город (и порт) Находка подписал соответствующий договор о сотрудничестве, а позднее к нему присоединились другие дальневосточные города. Серьезные культурные контакты были установлены между Хабаровском и японским Ниигата. Начало дружеских отношений между этими городами было многообещающим и продуктивным: с 1965 по 1970 г. культурные связи выразились в 70 совместных мероприятиях, и в результате с 1973 г. начали летать прямые международные авиарейсы (Киба, 2012, с. 92).

Результатом изменений стал новый вариант идиолов «человеко-бабочки»: это образцы № 1 и № 2 (Иллюстрация 1). Они были созданы в 1981 г., предназначались для инициации шамана и дальнейшего использования в качестве духов-покровителей. Характерная черта этих идиолов – крылья, созданные уже не из половинок, а из полноценных стручков черных соевых бобов, внутри которых сохранились плоды. Соевые бобы – это ритуальное растение в Японии, связанное с культом изгнания демонов, а появилась эта традиция в Китае. Японский Новый год сопровождается разбрасываем соевых бобов, которые изгоняют злых духов из домов и храмов. Это праздник очищения, освобождения от негативных сил (Сэцубун), который предполагает использование традиционных масок демонов: в процессе ритуала злые духи символически «разбегаются», покидая дома и храмы (Сецубун: 3 февраля).

Одновременно с этими событиями на российском Дальнем Востоке началось исследование шаманизма, что не могло не отразиться на статусе этой религии. Год создания «человеко-бабочек» № 1 и 2 (Иллюстрация 1) совпал с изменениями в конфессиональном состоянии региона: в 1980 г. на российском Дальнем Востоке впервые с послевоенного времени официально зафиксировано 14 общин язычников (вероятно, 14 населенных пунктов), – всего 42 человека, исповедующих шаманизм (Дударенок, 2005, с. 126). Очевидно, что среди коренных народов появились представители, больше не скрывавшие от властей свое реальное вероисповедание. Этот фактор в комплексе с развитием этнографических музейных экспозиций стимулировал создание новых образцов культовой скульптуры, некоторые из которых демонстрировали влияние Японии и Китая.

В начале XXI в. «человеко-бабочки» 1981 г. были переданы начинающей целительнице частично русского происхождения, а позднее поступили в коллекцию «Тайные силы». «Русский след» на них также отразился. Во-первых, гадание на бобах присутствует и в славянской культуре (Жомарова, 2024). Во-вторых, русское язычество не было чуждым сибирскому и дальневосточному шаманизму; например, в Сибири «шаман иногда “впускал” в себя духа нуучу (русского), который сморкается по-русски – с шумом и треском – и говорит на ломаном русском языке» (Новик, 2004, с. 83). В-третьих, крылья «человеко-бабочек» были дополнительно украшены «ведьминным камнем» кианитом, который считается магическим в русской языческой культуре. Черный кианит воспринимается как «крылья ведьмы», но идолы были украшены многоцветными камнями, потому что начинающей шаманке с русскими корнями «приснился сон, что ее духи-помощники явились в виде прекрасных прозрачных бабочек с огромными переливающимися в разные цвета крыльями» (Каталог этнографической коллекции..., 2024, с. 132).

Заключение

Во второй половине XX в. на советском Дальнем Востоке развитие международных отношений шло по нарастающей линии, охватывая все новые сферы взаимодействия с традиционно дружескими странами, главной из которых считался Китай. Хрущевская оттепель активизировала эти связи и определила контакты в сфере культуры в качестве важнейшей составляющей международных связей. Среди музыкального, театрального и циркового искусства, живописи, поэзии, пластических и иных форм выражения культуры обязательно присутствовала этническая составляющая, значительной частью которой были религиозные верования.

Музейные этнографические коллекции транслировали в среду российского Дальнего Востока представления китайского и японского шаманизма. Будучи для основной части населения России всего лишь объектами научного и познавательного интереса, эти коллекции и отдельные экспонаты имели религиозную ценность для представителей коренных народов, исповедовавших шаманизм. В итоге некоторые образцы и детали сакрального содержания заимствовались, а местная культовая скульптура приобретала порой необычный внешний вид. Этому процессу также содействовали международные поездки делегаций разного уровня, открывшиеся личные контакты и начавшееся активное исследование традиционных культур. Ученые поднимали на поверхность исторической памяти древние знания, коррелирующие с религиозными представлениями зарубежных народов Дальнего Востока. Результатом такой активизации стал «побочный эффект» в виде оригинальных «человеко-бабочек», появившихся у российских народов Амура.

Дальнейшего изучения требуют вопросы внешнего влияния на религиозные представления и культовое искусство внутри другой ойкумены, включающей Русский Туркестан и близлежащие мусульманские страны. Сравнение процессов, происходивших на Дальнем Востоке и в Средней Азии, подчеркнет закономерности и высветит особенности, характерные для этих непохожих территорий, которые входили в Российскую империю и стали частью ее истории.

Источники | References

1. Агапитов Н. Н., Хангалов М. Н. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск: Типография Н. Н. Синицына, 1883.
2. Галлямова Л. И. Хозяйственное освоение Дальнего Востока России и роль восточно-азиатских миграций (конец XIX – начало XX века) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 3.

3. Дударенко С. М. Политика советской власти в отношении религиозных организаций 1960-1980-е годы // Россия и АТР. 2005. № 2.
4. Евменьев А. А. Амурские чжурчжэни. Золотая империя. Кровавая роса. Новосибирск, 2014.
5. Журавлев В. Е. Внешняя политика Японии и историко-культурные факторы, ее формирующие // Вестник Института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 4 (33).
6. Иванова А. П., Глатоленкова Е. В., Базилевич М. Е. Репрезентации империи и архитектурный образ родины: Тихоокеанская Россия и Русский Туркестан // Архитектон: известия вузов. 2021. № 2 (74).
7. Ильин Н. В. Советская политика в отношении спиритизма и шаманизма // NovaInfo. 2018. № 86.
8. Кадырбаев А. Ш. Освоение Россией Приамурья и Уссурийского края // Восточный архив. 2023. № 1 (47).
9. Калимова С. Х. Диалог культур в интеграционных процессах в Центральной Азии // Вестник Киргизско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 11.
10. Киба Д. В. Становление и развитие советско-японского сотрудничества в сфере культуры на Дальнем Востоке в 1950-1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (21).
11. Комарова В. А. «Хлеб, скажи правду»: гадание на бобах в Устьянском районе Архангельской области // Живая старина. 2024. № 1 (121).
12. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003.
13. Ларин В. Л., Ларина Л. Л. Внешнее влияние и иностранное присутствие в Тихоокеанской России в восприятии ее жителей (по итогам опроса общественного мнения) // Россия и АТР. 2012. № 4 (78).
14. Ли Хунцзюань. Процесс изменения национальной культуры нанайцев в дальневосточных регионах России // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56).
15. Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Восточная литература, 2004.
16. Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение / отв. ред. Ю. Б. Симченко, З. П. Соколов. М.: Наука, 1991.
17. Фролов А. В. Приграничное сотрудничество советского Дальнего Востока с северо-восточными провинциями КНР (1950-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3.
18. Фурцев Д. О. Советские исследователи о шаманской болезни и «шаманском безумии» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44.
19. Хисматуллин И. Р. Государственная национальная политика в СССР: ключевые особенности и практика реализации // Инновационная наука. 2017. № 12.
20. Черникова Л. П. Российско-монгольско-китайские отношения первой половины XX века и документы архивов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 9.
21. Ян Хуэй, Борисова А. А. Эржэньчжуань: отражение шаманской культуры в народном искусстве северо-востока Китая // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 1.
22. Národnostní politika v SSSR v letech 1922-1953 / F. Bahenský a kolektiv. Praha: Etnologický ústav Akad. věd České Rep., 2010.

Информация об авторах | Author information

RU

Науменко Ольга Николаевна¹, д. ист. н., проф.

Сатимов Баходир Манглибой угли²

Абдиримов Раззакберди³, к. ист. н., доц.

^{1, 2, 3} Ургенчский инновационный университет, Республика Узбекистан

EN

Olga Nikolaevna Naumenko¹, Dr

Bakhodir Mangliboy o`g`li Satimov², PhD

Razzokberdi Abdrimov³, PhD

^{1, 2, 3} Urganch Innovation University, Republic of Uzbekistan

¹ oolgann@mail.ru, ² bsatimov263@gmail.com, ³

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.12.2024; опубликовано online (published online): 10.01.2025.

Ключевые слова (keywords): шаманские идолы народов Амура; идолы «человеко-бабочки»; советская внешняя политика на Дальнем Востоке; советский Дальний Восток второй половины XX века; японский шаманизм; китайский шаманизм; shamanic idols of the Amur peoples; idols of the "butterfly man"; Soviet foreign policy in the Far East; Soviet Far East of the second half of the 20th century; Japanese shamanism; Chinese shamanism.